

Станислав ЗОТОВ

РЕВОЛЮЦИЯ РУССКОГО НАРОДА СТО ЛЕТ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

*Только язык пулемётов доступен
уличной толпе, и только он, свинец,
может загнать обратно в его берлогу
вырвавшегося на свободу страшного
зверя... Увы — этот зверь был... его
величество русский народ...*

Василий Шульгин. Дни

Сто лет тому назад, в феврале-марте 1917 года, в столице Российской империи Петрограде (до августа 1914 года называвшегося Санкт-Петербургом) произошли революционные события, коренным образом изменившие историю России, значительно повлиявшие на судьбы всего мира. Народные волнения, которые, собственно, начались ещё осенью 1916 года на рабочих окраинах Петрограда, а особенно в Выборгском районе этого города, получили особо сильный размах к 23 февраля 1917 года (здесь и далее все даты даны по старому стилю. — С. З.), так как на этот день пришёлся день рабочих — праздник женщин-тружениц, учреждённый ещё ранее по предложению известной деятельницы социалистического движения в Европе Клары Цеткин. Этот день сейчас мы знаем как праздник 8 Марта (по новому стилю). Особую активность именно женщин в ходе разгоравшихся в Петрограде волнений отмечали все наблюдатели тогдашних событий. Но положение дел в Российской империи неуклонно ухудшалось весь предшествующий революции 1916 год.

Многочисленные свидетели тех событий, а поле и историки, много спорили и спорят до сих пор, обсуждая самый насущный вопрос: что это было? Был ли это «хлебный бунт», внезапно возникший, опять же по причине «внезапно» разразившегося хлебного голода в Петрограде, или это был коварный заговор неких внешних сил с целью вывода России из Мировой войны — значит, он был на руку Германии и её союзникам? Или это был, напротив, заговор «союзников» России по Антанте — Англии и Франции, опасавшихся, что правительство Николая II заключит сепаратный мир с Германией, и стремившихся посадить у власти в России буржуаз-

ное правительство, которое будет вести войну «до победного конца». Под всеми этими версиями есть некоторые основания.

Действительно, попытки налаживания контактов между германским, австрийским дворами и представителями российского императорского двора имелись. Война к осени 1916 года приобрела тяжёлой и безнадежный характер. Большие планы на победу в 1916 году, лелеемые союзниками по Антанте, увы, не сбылись. Потерпела неудачу как Дарданельская операция английской десантной армии с целью взять проливы Босфор и Дарданеллы, так и всеобщее наступление русских фронтов летом того года. Лишь только фронт Брусилова в ходе своего знаменитого прорыва достиг определённых успехов на Западной Украине, но тем дело и ограничилось. Попытка наступления Западного фронта генерала Эверта закончилась страшным разгромом под Барановичами, в чём оппозиционная молва сразу же постаралась обвинить «немку»-императрицу Александру Фёдоровну и её распутинский кружок, якобы выдавший планы наступления немцам. Версия эта была весьма популярна в советской историографии, на чём был основан сюжет знаменитого фильма «Агония» режиссёра Элема Климова. Разрабатывалась даже версия некоего «заговора императрицы», имевшего цель сместить царя Николая, возвести на трон царевича Алексея и поставить регентшей императрицу Александру Фёдоровну. Однако «немка» императрица была настолько непопулярна в народе, а её «друг» Григорий Распутин, прикидывавшийся «святым старцем», но ведший откровенно не святую жизнь, вызывал такое всеобщее озлобление, что подобные планы были явно неосуществимы.

Между тем затягивающаяся война истощала все силы российского государства. Так уж случилось, что Россия вынуждена была держать самый протяжённый фронт в борьбе сразу против двух держав «оси» — Германии и Австро-Венгрии в Европе и ещё против Османской империи на Кавказе, в то время как Франция сражалась лишь против германской армии, да и то при поддержке английской и бельгийской армий. Италия держала фронт только против австро-венгерской армии и умудрялась терпеть при этом поражения, всякий раз рассчитывая на помощь России. Мало того, к 1916 году Франция заключила с царским правительством России соглашение о посылке на её фронт 400-тысячного российского экспедиционного корпуса. В таких обстоятельствах Россия была вынуждена мобилизовать неслыханную по численному составу армию — 19 миллионов человек, что намного превосходило численный состав армий других воюющих стран. Наконец, война шла на российской территории, затронула несколько сильных в промышленном отно-

125

шении западных губерний, привела к массовой эвакуации населения из прифронтовой полосы, что обострило и без того тяжёлое экономическое положение в стране. Можно сказать, Россия несла на себе основную тяжесть войны, так как к поддержке российской армии всякий раз обращались штабы стран Антанты, как только германские войска на Западе переходили в наступление. И ставка верховного главнокомандования российской армии беспрекословно выполняла все требования «благородных союзников», не считаясь ни с какими потерями. Такое подчинённое положение России по отношению к союзникам по Антанте вызывало, конечно, законное возмущение в российском обществе. Материальная же помощь от союзников России поступала крайне скудно даже по объективным причинам – пути снабжения по Балтике и Чёрному морю были отрезаны германским и турецким флотом, а узкоколейная дорога на Архангельск (единственный порт на Севере) не справлялась с потоком грузов. Дорога же на Мурманск только строилась и была закончена лишь к 1917 году.

Ко всем экономическим бедствиям, вызванным войной, к осени 1916 года добавился ещё и хлебный голод, чего в России давно уже не знали, так как урожаи в последние годы были хорошие. Однако разрушенная транспортная система страны, перегруженная обеспечением нужд фронта прежде всего, не обеспечивала поставок хлеба в крупные города, а главное – в столицы империи – в Москву и Петроград. Так, осенью 1916 года официальная статистика отмечала, что Петроград, столица империи, получает лишь треть необходимого ей хлеба. Правительство шло на крайние меры, на недели прерывая пассажирское сообщение между Москвой и Петроградом для пропуска товарных поездов, но это мало помогало, так как пути занимали бесконечные воинские эшелоны, перевозившие массы мобилизованных солдат. Транспортный коллапс особенно усилился в начале 1917 года, когда Петроград был выделен в особый военный округ во главе со своим командующим генералом Хабаловым и там сосредотачивалась огромная резервная армия в 180 тысяч человек (некоторые источники указывают даже 300 тысяч человек). Ни для кого не было особым секретом, что такая вооружённая сила предназначалась для подавления возможных народных волнений. Таким образом, царское правительство вместо того чтобы успокоить народ поставками хлеба, повернуло против него штыки.

И нельзя сказать, что качественный состав этой карательной армии был крайне низок, что состояла она в основном из солдат запасных полков, отвыкших от воинской дисциплины, разболтанных, готовых подняться на любой бунт, любой ценой стремившихся не попасть на фронт, как это иногда ут-

верждается авторами, пишущими о причинах успеха февральского восстания. Нет, костяк армии генерала Хабалова составляли так называемые учебные команды – особые подразделения, составленные из отличившихся на фронте солдат, часто георгиевских кавалеров, направленных в тыл для переобучения на должность унтер-офицеров и даже младших офицеров, прапорщиков, которых так не хватало на фронте. На эти проверенные кадры рассчитывало командование Петроградского военного округа как на свою ударную силу в ходе подавления беспорядков, но, как мы увидим, именно переход на сторону революции этих элитных частей и обеспечил успех разразившегося восстания.

Превентивные меры для подавления возможного восстания принимались самые серьёзные. Министр внутренних дел Протопопов разработал тщательный план подавления грядущих волнений. Весь состав петроградской полиции и жандармерии был переодет в форму строевых частей и вооружён по армейскому образцу. В том числе создавались особые пулемётные команды, которые размещались вместе со своим оружием в ключевых точках города, на чердаках домов, на перекрёстках улиц и проспектов, так, чтобы зоны обстрела контролировали весь центр города. Рабочие демонстрации, которые неизбежно должны были рваться к центру столицы, попадали бы под перекрёстный пулемётный шквал и без всякого сомнения должны были быть полностью уничтожены. С количеством жертв правительство князя Голицына, назначенного на этот пост императором после отставки погрязшего в коррупции Штюрмера, распутинского назначенца, решило не считаться. Перед началом возможных «эксцессов», а именно во второй половине февраля 1917 года министр Протопопов настоятельно советовал государю покинуть столицу, чтобы его имя не было замарано кровью предстоящих многочисленных жертв. Что государь и сделал, уехав 22 февраля в Ставку, в Могилёв, хотя в этом не было особой необходимости, ведь он лишь недавно прибыл из Ставки по случаю открытия заседаний Государственной думы 14 февраля.

Государственная дума беспрекословно выполняла все указания императора. Депутаты покорно расходились по домам, как только следовал грозный окрик из Дворца, и заседания Думы прерывались по указу императора. Никаких призывов к бунту из стен Думы не раздавалось, да это и не удивительно, ибо численно Дума состояла в абсолютном большинстве из депутатов правых партий – монархистов и «октябристов», то есть сторонников парламентской монархии, обещанной когда-то в октябре 1905 года государем в его знаменитом манифесте. На этом фоне даже кадеты (депутаты от конституционно-демократической партии «Народной свободы») 126

казались крайне левыми, уж не говоря о малом количестве меньшевиков и «трудовиков» во главе с их лидером Керенским, который был, пожалуй, самым «левым» из всего состава Думы. Оппозиционные настроения в Думе до декабря 1916 года подогревались в основном распутинским фактором, наличием кружка тёмных, полукриминальных деятелей, группировавшихся вокруг «святого старца». Ни для кого не было секретом, что через влияние на императрицу Распутин и его окружение меняли министров, даже глав правительства, покрывали тёмные финансовые аферы, подозревались в шпионаже в пользу Германии. Лидер правых в Думе депутат Пურიшкевич выступал со страстными речами против «распутинщины», его поддерживал лидер кадетов Милоков. В этом Дума была в основном едина, но после убийства Григория Распутина 17 декабря 1916 года вся оппозиционность в Думе по отношению к императорскому двору сошла на нет. Председатель Государственной думы Родзянко был осведомлен, что в столе у премьера Голицына лежит указ, подписанный императором, об окончательном роспуске Думы и назначении новых выборов. Только дата под этим указом не была проставлена царём, её должен был проставить глава правительства, в случае если Дума проявит хоть малейшие бунтарские настроения. Поэтому ожидать от депутатов Думы даже самого ничтожного неповиновения было невозможно. Самое большее, на что отваживались «верноподданные» депутаты Думы, так это нежайшие просьбы к императору о создании «правительства доверия», то есть такого кабинета, министры которого назначались бы царём по согласованию (доверию) с Думой. Дальше этого Дума не шла. Разразившаяся революция не была спланированным заговором тогдашних российских парламентариев, она и для них была неожиданной.

Но совершенно неожиданной она стала и для лидеров самых крайних революционных партий, которых, собственно, и не было в Петрограде в то время. Владимир Ильич Ленин давно уже пребывал в Швейцарии и не мыслил вернуться на родину. Несмотря на свой глубокий аналитический ум, он не просматривал никаких ближайших перспектив революции в России. Ещё в январе 1917 года, когда в Петрограде и Москве уже начались первые волнения рабочих, он на встрече со швейцарскими социал-демократами утверждал: «Мы, старики, может быть, не доживём до решающих битв этой грядущей революции. Но я могу, думаю, высказать с большой уверенностью надежду, что молодёжь... будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции», что говорит о том, что он не ожидал в ближайшем будущем такой революции. Иные вожди большевистской партии, такие как Сталин, Свердлов или

Каменев и другие, находились в сибирской ссылке или в тюрьмах, а весь состав Петроградского комитета РСДРП(б), партии большевиков, был накануне событий арестован протопоповской охранкой, так что ни одного сколько-нибудь значимого лидера большевиков к моменту восстания в столице не было. Не было ни одного члена большевистского ЦК. Другая крайняя революционная партия – партия социалистов-революционеров (эсеров) вообще не имела своей организации в Петрограде. Небольшие группы меньшевиков, трудовиков и межрайонцев не играли никакой роли в начавшемся движении, они образовали лишь некое Информационное бюро, куда вошли и оставшиеся не арестованными большевики для слежения за разыгрывавшимися событиями.

На этом фоне ожидать какого-либо организованного восстания, спланированного движения, чётко разработанного плана выступления было невозможно, ему неоткуда было взяться. У петроградской революции не было вожаков. Значит, министр внутренних дел Протопопов и командующий Петроградским военным округом генерал Хабалов потирали руки и могли ожидать только неорганизованного бунта, стихийного выплеска эмоций голодной толпы, ну а с этим, как им казалось, будет нетрудно справиться дисциплинированным воинским командом, которым загодя был дан приказ стрелять на поражение, патронов не жалеть.

В чём-то такой ожидаемый стихийный бунт был даже выгоден власти. Кровавая баня на улицах Петрограда, беспощадная расправа с помощью пулемётов с «бунтом черни» охладила бы горячие головы, как думали в правительстве, пресекла бы нарастающий вал оппозиционных настроений в обществе, затушила бы пожар назревающей революции, и, возможно, это помогло бы довести войну до победного конца. Есть сведения, что полицейские власти сами подталкивали народ к выступлению, так, в состав Петроградского комитета большевиков был внедрён провокатор Шурканов, который не был арестован охранкой, а в дни восстания активно призывал народ к бунту, провоцируя власти на расправу. И он был не один. Такая расправа напугала бы рабочих, снизила бы всплеск забастовок на оборонных заводах, прекратила бы всякие мысли о всеобщей стачке. На 1917 год были запланированы решающие военные операции на фронтах, требовалось много оружия, безостановочно заработали оборонные заводы, которые в основном были сосредоточены в Петрограде. Но именно петроградский пролетариат и отказал в крови царскому правительству. Именно обращение с народом как с быдлом, которое можно морить голодом, обманывать, смешивать с грязью, а после и расстреливать, как скот на бойне, – и всё это на фоне роскошной

127

жизни буржуазных элементов рядом с нищенским существованием рабочих окраин – породило ту гремячую смесь, что взорвалась в конце февраля 1917 года и смела 300-летнюю монархию Романовых.

Ко второй половине февраля 1917 года голод в столице усилился. По статистическим данным, Петроград в начале того года получил лишь четверть положенного подвоза хлеба. Власть не могла объяснить прекращение подвоза. После возникли предположения, что среди чиновников министерства путей сообщения возник заговор с целью свержения императора и некий инженер-путеец Бубликов приказал остановить подвоз хлеба в Петроград. Поверить в это сложно, уж слишком могущественным, оказывается, был этот невероятный Бубликов! Между тем генерал Хабалов в выпускавшихся им афишках заверял население, что хлеба в столице много, и все тревоги напрасны. Но реальное положение дел на улицах города было иным. По достоверным свидетельствам очевидцев, к булочным выстроились огромные очереди, «хвосты» из женщин и подростков. Хлеба в реальности не было, а афишки Хабалова, утверждавшие иное, только злили народ. В это время власть совершала одну ошибку за другой. Естественное возмущение рабочих отсутствием продуктов в лавках вызвало усиление забастовочного движения. Забастовал Путиловский завод. Администрация оборонного казённого предприятия не нашла ничего лучшего, как... уволить всех работников завода, а это более 35 тысяч человек! Конечно, такие массовые локауты применялись и раньше на капиталистических предприятиях, но в условиях войны и начавшегося хлебного кризиса всё это создало эффект зажжённого факела, брошенного в цистерну с бензином. К работникам в хвостах за хлебом присоединились уволенные рабочие, появились политические лозунги, прежде всего: «Долой войну!» «Хлеба!» И, наконец: «Долой самодержавие!»

Забастовали все заводы Выборгской стороны, самой густонаселенной рабочей окраины Петрограда. А нужно сказать, что в этом районе, где жило и работало более 100 тысяч рабочих, сохранилась, несмотря на все аресты, довольно мощная коммунистическая организация, которая в эти дни задела собой разгромленный охранкой Петроградский комитет РСДРП(б). На Выборгскую сторону подтягивались и все оставшиеся на свободе в Петрограде большевики, и представители других революционных партий, а таковых набралось до двух тысяч человек. На состоявшейся спешной конференции рабочих организаций было принято решение идти в борьбе с царизмом до конца, безоговорочно присоединиться к лозунгу «Долой самодержавие!». К этому активно призывали большевики, позиция ко-

торых в Выборгском районе была особенно сильна, так как партийную организацию здесь возглавлял Чугурин, человек, близко знавший Ленина, учившийся в партийной школе в Лонжюмо во Франции, а также большевик Каюров. Оба прекрасные агитаторы, они не выходили с заводов, неустанно призывая рабочих к восстанию.

Решающие события начались 23 февраля (8 марта по новому стилю) в день женщин-работниц. На улицы города вышло большое количество женщин, доведённых до отчаяния бесполезным ожиданием подвоза хлеба в многочисленных «хвостах». Улицы Выборгского района были фактически захвачены возбуждённой толпой. Начались первые погромы хлебных лавок и булочных. Это, впрочем, не прибавило в них хлеба, и возбуждённая толпа женщин, подростков и отчасти уже забастовавших рабочих двинулась на мосты через Неву, стараясь пробиться в центр города. На Литейном и Троицком мостах их встретили заслоны войск, но до кровопролития в первый день восстания ещё не дошло – хватило казацких нагаек на Невском проспекте, где тоже начались демонстрации, но в основном из учащейся молодёжи. Впрочем, на совещании у Хабалова вечером следующего дня была отмечена некоторая пассивность казачьих разъездов, слишком «гуманно», по мнению полицейских, обращавшихся с бунтовщиками. Казачий начальник оправдывался отсутствием хороших плёток у казаков. Решено было дать денег казакам на покупку более крепких нагаек. По 50 копеек за нагайку. Во всяком случае центр города остался за правительственными силами. Протопопов слал царю в Ставку успокоительные телеграммы.

Однако трудно было не заметить, что Петроград разделился на два лагеря. Весь север столицы, в том числе Выборгский район (оплот восстания) и Васильевский остров, были фактически захвачены повстанцами. Полиция туда не смела и соваться. В руках правительства оставался центр города вместе с Невским проспектом, и стало совершенно очевидным, что дальнейшие события будут развиваться в борьбе за центр. Так и произошло в последующие дни. 24 февраля началась всеобщая стачка. Заводилой здесь была также Выборгская организация большевиков, но эту инициативу подхватили все заводы Петрограда, в забастовке участвовало уже больше 200 тысяч человек. Народ был настроен весьма агрессивно. Толпы демонстрантов рвались в центр. Перекрыли мосты, но никого это не останавливало, начались массовые переходы восставших рабочих по льду Невы на южную сторону. Мосты всё ещё пытались удержать в своих руках войска гарнизона, но по Троицкому мосту рабочие прорвались на Невский проспект. Движение это приобрело неуправляемый характер, несмотря на то

128

что на центральные проспекты были выдвинуты гвардейские полки: Гренадерский, Кексгольмский, Московский, Финляндский, Волынский, 3-й стрелковый полк и другие – в составе прежде всего учебных команд, наиболее проверенной части гарнизона. Начались открытые столкновения демонстрантов с солдатами. Солдаты не проявляли особой активности в противостоянии народу, но пулемётные команды, состоящие в основном из офицеров и унтер-офицеров, активно расстреливали демонстрантов на Невском проспекте, пользуясь тем, что восставшие ещё не имели оружия – арсеналы строго охранялись войсками.

Историки позднейших времён не могли понять, откуда у простых людей Петрограда, недавно ещё в целом верноподданных царя-батюшки, взялось такое ожесточение против власти, что заставляло мирных обывателей идти на пулемёты гарнизона, грудями ложиться под пулями гвардейских полков. Известный писатель Солженицын даже предположил, что народ, якобы, гнали в бой некие неизвестные погонялы, «...агитаторы камнями и угрозами насильственно гнали в забастовку рабочих оборонных заводов». Можете себе представить такую картину: приходят некие «агитаторы» к многотысячной толпе рабочих и начинают гнать их «камнями и угрозами» на пулемёты! И народ покорно идёт штурмовать центр Петрограда, глотая при этом слёзы оттого, что ему приходится идти против любимого «царя-батюшки»... Дело здесь не в полном абсурде подобных утверждений, а в каком-то удивительно пренебрежительном отношении к народу, к русскому народу, когда всерьёз кажется уважаемому литератору, что русский народ – это покорное быдло, которое не способно на активные политические действия самостоятельно, а только из-под плётки. Нет, история говорит нам обратное: русский народ, бывает, медленно запрягает, да быстро ездит...

Вот и Февральская революция в Петрограде (а по новому стилю – мартовская) свершилась удивительно быстро, всего за несколько дней, что произвело на современников потрясающее впечатление.

*Над потрясённой столицей –
Выстрелы, крики, набат...
Город ощерился львицей,
Обороняющей львят...*

Так писал о тех днях поэт Николай Гумилёв. Это – реальная картина происходящего. Город и его жители вышли на защиту самих себя против тех, кто готовился всех их безжалостно расстрелять.

Решающий перелом в событиях произошёл 26 февраля. В этот день демонстранты прорвались к Николаевскому вокзалу столицы и заполнили всю площадь перед ним. Но там же в это время было сосредоточено большое количество гвардейских ча-

стей с пулемётами. Стяли учебные команды, почти сплошь состоящие из унтер-офицеров и возглавляемые офицерами. Был отдан приказ – стрелять по толпе. Солдаты не хотели исполнять приказ, но офицеры повернули пулемёты против народа... Площадь потонула в диких криках расстреливаемых людей, стрёкоте пулемётов, беспорядочных выстрелах, воплях боли и страдания... Впоследствии подобрали на площади более сорока трупов и большое количество раненых. Простые солдаты с ужасом смотрели на эту расправу, но не смели двинуться с места. В это время и произошёл коренной перелом в сознании солдат, что-то неудержимо поменялось в их душах. В этот же день целая рота Павловского полка отказалась повиноваться приказам офицеров, но была разоружена и целиком отправлена в Петропавловскую крепость. По законам военного времени им всем грозил расстрел. Но комендант Петропавловки отказался принять всю роту в казематы крепости, у него не было такого количества мест. Был арестован 21 человек. А ночью в казарме Волынского полка проходило тайное совещание военнослужащих. Унтер-офицер Кирпичников, а также унтер-офицеры Марков и Орлов твёрдо заявили своим товарищам солдатам, что стрелять в народ больше не будут. Вся рота согласилась с ними. Наутро, когда в казарму явился командир роты Лашкевич, рота на все приказы своего командира отвечала громким криком «Ура!» и наотрез отказалась повиноваться командованию. Унтер-офицер Марков схватил винтовку и направил её на Лашкевича. «Уходи, пока цел!» – крикнул он. Лашкевич вместе с двумя офицерами выбежал на улицу, но тут же был убит выстрелами из окон казармы. Начался бунт Волынского полка, но бунт этот был не стихийный. Под командованием Кирпичникова, выбранного командиром, волынцы двинулись к другим гвардейским полкам, и те, словно по команде, начали присоединяться к восстанию. Удивительная слаженность всего происходящего рождала мысль о подготовленности восстания в гвардейских полках, но на деле это было не так, просто в душах солдат, что называется, накопело. Ведь их заставляли быть палачами, карателями своего народа, а они сами были из народа, они сами сражались за свой народ против внешнего врага и теперь уже и своих офицеров воспринимали как врагов, ведь они вели их против своего народа.

Восстание обрело невероятную мощь. Всего за два дня у генерала Хабалова практически не осталось солдат. Он посылал верные свои части против восставших полков, а его части переходили на сторону восставших. С последними своими сторонниками Хабалов укрылся в здании Адмиралтейства, откуда послал последнюю телеграмму императору в Ставку, что положение его совершенно безнадёж-

но. Петроград пал. Восставшие рабочие захватили здание арсенала и вооружились армейским оружием. По всему городу шла охота на переодетых полицейских и городских, арестовывали генералов и министров царского правительства и свозили в здание Думы, в Таврический дворец, где заседали обескураженные депутаты Думы. Буквально 26 числа был опубликован князем Голицыным заранее подготовленный указ императора о роспуске Думы. Дума и хотела бы разойтись, но куда было расхотиться несчастным депутатам? В городе шли бои. Когда к 28 февраля стало окончательно ясно, что с властью царя в столице покончено, Дума избрала Временный комитет в составе, в частности, депутата Родзянко, Шульгина, Керенского, князя Львова и других. Но власть этого комитета была призрочной, ведь в другом крыле Таврического дворца заседали уже вновь избранный Совет рабочих и солдатских депутатов, который первым делом издал свой знаменитый «Приказ № 1», отменявший фактически субординацию в армии, уравнивавший в правах солдата и офицера. Впоследствии Керенский, ставший Верховным главнокомандующим, говорил, что отдал бы 10 лет жизни, чтобы этот приказ никогда не был опубликован. Но было поздно, логика революции неуклонно вершила своё дело. Старый порядок вещей неумолимо распался, рухнул на части вместе со старой Россией.

Осталось поставить последнюю точку в крушении старой России, принять отречение императора. Император же вместе со своим поездом метался по стране. Вначале он выехал из Ставки, из Могилёва, пытаясь пробиться в Царское село, к своей семье. Но царский поезд доехал только до станции Дно и здесь был остановлен железнодорожниками. Опять появилась загадочная фигура инженера-путейца Бубликова, который якобы и приказал не пускать царский поезд к Петрограду. Император метнулся в Псков, в штаб командующего Северо-Западным фронтом генерала Рузского, но оказался там фактически в западне. Генерал Рузский решительно потребовал отречения императора от престола в пользу его сына Алексея при регентстве брата Михаила. Царь обратился по прямому проводу ко всем командующим фронтами, и те настоятельно высказались за это решение. Можно сказать, что это был

своего рода «заговор генералов», которые словно ждали именно такого развития событий, чтобы припереть царя к стенке. «Кругом измена, трусость и предательство», – запишет император в своём дневнике.

2 марта в Псков прибыли два депутата Государственной думы – Шульгин и Гучков, дабы принять у императора акт отречения от престола. Вид их поразил царскую свиту: небритые, в грязных пиджаках, с всклокоченными головами, они напоминали каких-то ораторов с рабочего митинга. Но так ведь оно и было в те дни: депутатам Госдумы приходилось выступать на рабочих собраниях, убеждать народ, бить себя в грудь, доказывая, что они в доску свои. При этом они имели и свои интересы. Гучков, к примеру, был сторонником сохранения в России монархии, а царём предпочитал видеть младшего брата Николая II великого князя Михаила Александровича. Видимо, под его влиянием император отрёкся от престола и за себя, и за своего сына Алексея, хотя и не имел права это делать. Отрёкся в пользу своего брата Михаила. Однако малейшее упоминание депутатами Думы о возможности утверждения на троне нового Романова встречало бешеный протест толпы. И Михаил отрёкся от престола вслед за своим братом Николаем «впредь, до созыва Учредительного собрания» – так говорилось в его манифесте. Таким образом, гипотетическая возможность возрождения монархии в России существует. Но для этого надо собрать Учредительное собрание, разогнанное в начале 1918 года большевиками.

Быть может, будущее ответит на вопрос: возможно ли восстановление монархии в России? Воля народной революции смела российскую монархию – и только воля народа может её восстановить. Наша Великая Февральская революция – такое же великое историческое деяние русского народа, как Великая французская революция – великое деяние французского народа, а Великая американская революция – американского. Пусть революция не принесла счастья и блага народу в силу разразившейся затем гражданской войны, но она изменила мир, открыла новые горизонты перед всем человечеством, она засвидетельствовала, что великий русский народ имеет право сам определять свою судьбу.

